

ПРИВАТНОЕ И ПУБЛИЧНОЕ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ И ФЕМИНИСТСКОЙ ТЕОРИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Т.А. Кострицкая

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Для цитирования: Кострицкая Т.А. Приватное и публичное в социально-философской традиции и феминистской теории: сравнительный анализ // Аспирантский вестник Поволжья. – 2019. – № 3–4. – С. 28–32. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2019.19.2.28-32>

Поступила: 07.02.2019

Одобрена: 12.03.2019

Принята: 10.06.2019

▪ Статья посвящена рассмотрению дихотомии «публичное/приватное» в социально-философской традиции и феминистской теории. Показано, что характерное для социально-философской традиции рассмотрение её без учёта гендерного аспекта затемняет некоторые ключевые элементы данной дихотомии. В то же время выявлено, что присущее феминистской теории невнимание к публичной сфере приводит к смешению в ней экономического и политического аспектов, а уделение недостаточного внимания концептам публичности и приватности ведёт к их статусу неосознаваемых предпосылок исследования. Делается вывод о том, что исследование проблемы приватного и публичного требует объединения рассмотренных традиций в рамках единого теоретического поля.

▪ **Ключевые слова:** публичное; приватное; публичность; приватность; либерализм; публичная сфера; приватная сфера; феминистская теория; гендер.

PRIVATE AND PUBLIC IN SOCIO-PHILOSOPHICAL TRADITION AND FEMINIST THEORY: A COMPARATIVE ANALYSIS

T.A. Kostritskaia

Saratov State University

For citation: Kostritskaia TA. Private and public in socio-philosophical tradition and feminist theory: A comparative analysis. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2019;(3-4):28-32. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2019.19.2.28-32>

Received: 07.02.2019

Revised: 12.03.2019

Accepted: 10.06.2019

▪ The article is devoted to the consideration of the public/private dichotomy in the socio-philosophical tradition and feminist theory. It is shown that the socio-philosophical tradition, exploring it without taking into account the gender aspect, is unable, as a result, to detect some key elements of this dichotomy. At the same time, the feminist theory, which does not pay enough attention to the public sphere, mixes its economic and political aspects. Besides, the insufficient attention of the feminist theory to the concepts of publicity and privacy leads to their status as unconscious research prerequisites. It is concluded that the study of the problem of private and public requires combining the considered traditions in a single theoretical field.

▪ **Keywords:** public; private; publicity; privacy; liberalism; public sphere; private sphere; feminist theory; gender.

Понятия публичного и приватного представляют собой неотъемлемую часть категориального аппарата социологии, социальной философии, правовых наук и юриспруденции в целом. Споры, посвящённые вопросу частной жизни, защите её от общественного вмешательства и, наоборот, защите публичности от «приватизации», господства в ней личных

интересов, ведутся как на страницах научных журналов, так и на телевизионных экранах. Эта «грандиозная дихотомия» (Н. Боббио), разделяющая социальный универсум на две взаимоисключающие части, сопряжена с множественностью иных основополагающих категориальных делений и имплицитно содержится практически в любой теории общества.

В качестве основного метода исследования выступает сравнительный анализ, опирающийся на категориальное различие публичного и частного. Данные понятия предстают в различных исследованиях как минимум в двух формах, а именно: как *понятия* публичности и частности и как две взаимоисключающие *сферы* социального бытия. Публичность и частность рассматриваются как культурные концепты, заключающие в себе ценностный компонент и обладающие различными образными и понятийными характеристиками [7, с. 65]. В качестве сфер социального бытия публичное и частное могут рассматриваться как институционализация публичности и частности в конкретном обществе.

Дж. Вайнтрауб выделяет четыре способа понимания исследуемой дихотомии, подчёркивая при этом, что предлагаемый им список не является исчерпывающим. Первый из них представлен либерально-экономической моделью, которая видит дихотомию публичного и частного преимущественно в терминах разграничения государственной администрации и рыночной экономики (Дж. Локк, А. Смит, Г. Беккер, М. Олсон). Второй подход обозначен Дж. Вайнтраубом как «ценностно-республиканский». Он рассматривает публичное в терминах политического сообщества и гражданства, противопоставляя его одновременно и сфере рыночной экономики, и административному государству (Х. Арндт, Ю. Хабермас). Третий подход, представленный работами медиевиста и историка семьи и детства Ф. Арьеса и некоторых других историков и антропологов, характеризуется видением публичной сферы как сферы подвижной и полиморфной коммуникабельности, в основе которой лежат культурные и «драматические» конвенции. Четвёртым исследователем выделяет направление, играющее большую роль во многих ответвлениях феминистского анализа и понимающее различие между частным и публичным в терминах разграничения семьи и экономического и социального порядка [14, с. 7].

В дальнейшем мы будем опираться именно на эту классификацию Дж. Вайнтрауба, поскольку она учитывает все основные направления, в рамках которых исследуемое деление выступает основным. Среди представленных трактовок публичного и частного первые две принадлежат социально-философской традиции, а последняя — феминистской теории. Однако, на наш взгляд, не только либерально-экономическая модель, но и вся либеральная теория имплицитно заключает в себе

определённое видение публичного и частного, раскрытие которого является необходимым для полноценного исследования этой дихотомии.

С. Оукин указывает на противоречие в понимании исследуемых понятий в теории либерализма: дихотомия «публичное/частное» используется в её контексте применительно как к различию между государством и обществом, так и к различию между общественной и домашней жизнью. Государство в обоих случаях предстаёт как «общественное», а семья как «частное», при этом «переходная социально-экономическая область», которую Гегель определил, как «гражданское общество», в первом случае включена в категорию «частное», а во втором — предстаёт частью публичной сферы [4, с. 921].

Указанное противоречие в либеральной теории становится явным при «гендерно-чувствительном» её прочтении. Противопоставление семьи остальной части общества в работах таких теоретиков либерализма, как Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, мыслится как непреложная необходимость. Дж. Локк, следуя античной традиции, определяет политическую власть на основе противопоставления её отцовской власти [3, с. 364]. Руссо и Гегель противопоставляют семью и государство как сферы, определяемые различными добродетелями.

Понимание частности как пространства свободы личности лежит в основе либеральной теории. Частность здесь предстаёт в аспекте сокрытости, непроницаемости для внешнего контроля. Институтом, лежащим в основе частной сферы, полагается договор. Не случайно для теоретиков общественного договора было принципиально важным доказательство того, что брак представляет собой брачный договор, а значит, свободно заключается двумя индивидами. Именно в рассмотрении брака как договора содержится, по замечанию К. Пейтман, фундаментальное противоречие договорной теории.

Это же противоречие присутствует и у ярого противника контракционизма Ф. Гегеля, с точки зрения которого нельзя подводить брак под понятие договора. Но в то же время в основании и брака, и договора лежит одно и то же утверждение, в соответствии с которым и в том и в другом случае имеются две тождественные воли, в то время как «совсем по-иному обстоит дело в государстве» [2, с. 129–130]. Как отмечает К. Пейтман, предлагаемому Гегелем социальному устройству и обоснованию семьи может быть задан ровно тот же вопрос, что и теоретикам договора:

«Если женщины полагаются естественными подчинёнными, неспособными к участию в договорах, то почему же они всегда способны заключать брачный договор?» [10, с. 179]. Именно несводимость семьи, — начиная со способа её образования, — к свободным частным отношениям индивидов порождает отмеченное выше противоречие в понимании либеральной теорией дихотомии публичного и частного.

Подход к дихотомии публичного и частного, названный Дж. Вайнтраубом ценностно-республиканским, представлен в социально-философской традиции Х. Арендт и Ю. Хабермасом. Публичное в их работах предстаёт противостоящим и государству, и экономике, при этом понятие частного практически не разрабатывается. Публичность и публичная сфера в работах названных философов практически неразличимы, последняя предстаёт не как неотъемлемая структурная часть общества, а как достижение определённой исторической эпохи. Структура публичной сферы античности или западного общества XIX века предстаёт в работах Х. Арендт и Ю. Хабермаса олицетворением публичности как таковой.

При этом подходы Х. Арендт и Ю. Хабермаса весьма различны. Для Х. Арендт важную роль играет личностный аспект публичного пространства, она видит публику как совокупность личностей, способных увидеть друг друга, взаимодействуя в общем для всех в мире. Публичная сфера в её теории предстаёт множеством различных несводимых друг к другу перспектив, это пространство равных, пространство свободы, и как таковое оно противостоит частной сфере, которая в духе античности понимается ею как исключаящая равенство и свободу. Для Х. Арендт личная свобода неотделима от публичности, то, что «вообще является и может быть воспринято и другими и нами самими как таковое, означает внутри человеческого мира принадлежность к действительности» [1, с. 66]. Те, кто были лишены доступа к публичности и заперты в частной сфере, «могли найти эрзац действительности в теплоте своего домашнего очага внутри границ семьи» [1, с. 77]. Представляя частную сферу как сферу господства и, одновременно, «теплоты домашнего очага», она не ставит вопрос о субъекте, в отношении которого частная сфера характеризуется подлинной *приватностью*.

Вполне в духе теоретиков либерализма Х. Арендт видит семью как воплощение частного, при этом её теория заключает в себе аналогичное противоречие между осознанием

неприменимости понятий свободы и справедливости в полной мере к семье, исторически представляющей собой воплощение отношений господства и подчинения, и идеализированным представлением о ней. Так же, как и упомянутые выше исследователи, Х. Арендт видит необходимыми чёткие границы и публичного, и частного, границы, которые размываются не проникновением одного в другое, но деформацией их благодаря развитию социальному. Взаимоотношение публичного и частного в теории Х. Арендт исчерпывается тем, что частное, представленное семьёй, является экономической основой как условие возможности публичной сферы.

Несколько иное видение публичного воплощает теория Ю. Хабермаса. В ней акцент делается не столько на видимости членов публики друг для друга, сколько на их возможности друг друга услышать. Играющая важную роль в понимании публичного личностный аспект Х. Арендт здесь теряет значимость, публичная сфера предстаёт уже не ареной действий равных личностей, а виртуальной общностью, местом осуществления коммуникации, обмена мнениями, речь идёт, по существу, о внеличностном феномене. Субъектами публичной сферы Ю. Хабермаса являются частные индивиды, обсуждающие общественные проблемы в европейских кафе и на страницах прессы.

Частную сферу Ю. Хабермас видит в пространстве рынка, семья для него предстаёт её особенной частью, интимным пространством, зависимым от общего товарооборота частной сферы. Ю. Хабермас осознаёт противоречие, связанное с видением семьи как особого пространства, подчинённого ценностям любви и справедливости, однако он практически не уделяет ему внимание. Действительно, Ю. Хабермас отмечает роль «буржуазной семьи» как средства генеалогической связи, обеспечивающей накопление капитала, как посредника, который при видимости свободы обеспечивает строгое соблюдение общественно необходимых требований [6, с. 101]. Однако впоследствии он говорит об утрате семьёй «тех функций, которые она выполняла вне производственного процесса, но для него», при этом «вместе со своими экономическими задачами она утрачивает и защитные функции», функций «выращивания и воспитания, защиты, покровительства и наставничества» [6, с. 223, 225–226]. Кроме того, как отмечает Н. Фрейзер, категориальные деления в его более поздней работе «Теория коммуникативного действия» способствуют преувеличению различий между официальной эконо-

микой и семьей и преуменьшению их сходства [5, с. 352].

В теории Ю. Хабермаса частная сфера выступает как условие личной автономии, по отношению к сфере публичной она играет служебную роль. Публичная сфера в форме «салона» присутствовала и в рамках семейного хозяйства, сама же семья, её роль и отношение к публичной сфере, не подвергается всестороннему исследованию, при этом некоторые аспекты её статуса остаются затемнены. Также без окончательного ответа остаётся вопрос о границах публичного и частного. Для Ю. Хабермаса, по контрасту с либеральными теоретиками и Х. Арндт, чёткое разграничение частного и публичного вовсе не предстаёт необходимым условием существования этих сфер.

Следует отметить, что и либерально-демократический и ценностно-республиканский подходы подвергались критическому исследованию в рамках феминистской теории. По словам К. Пейтман, дихотомия частного и публичного была центральной для феминизма в течение почти двух веков феминистского письма и политической борьбы [11, с. 281]. При этом в контексте феминизма данное деление представлено, прежде всего, критическими исследованиями, уделяющими значительное внимание частной сфере и тем возможностям контроля, которыми она обладает.

Публичное и частное предстаёт в рамках феминистского дискурса в качестве публичной и частной сфер, при этом главным институтом последней предстаёт семья, в то время как под сферой публичного понимается как экономическая сфера, гражданское общество, так и государство. Одна из самых ранних формулировок такого деления принадлежит антропологу М.Ц. Розальдо. Она противопоставляет частное, под которым мыслит домашнее хозяйство, публичной сфере внесемейной экономической и политической деятельности, отмечая, что во всех известных обществах это социальное деление асимметрично в гендерном отношении, при этом дихотомия публичное/частное предстаёт гендерно маркированной как с точки зрения существующей социальной структуры, так и с точки зрения идеологии [12]. Как указывает Т. Хиггинс, ссылаясь на К. Маккиннот, одно из основных утверждений феминисток состоит в том, что «принципиальная угроза женской свободе и равенству имеет своим истоком не публичную власть, а частную» [9, с. 859].

Именно частной сфере уделяется основное внимание в рамках феминистской те-

рии, однако публичная сфера также подвергается критическому рассмотрению. Так, К. Пейтман указывала на то, что либеральное понимание дихотомии публичное/частное как разделения между государством и гражданским обществом мистифицирует некоторые ключевые моменты социальной жизни. Концептуализируя гражданское общество в отрыве от предполагаемой при этом домашней жизни, либерализм исключает последнюю из теоретических дискуссий. Разделение между частным и публичным реконструируется, таким образом, как деление внутри гражданского общества, внутри мира мужчин [11].

Указав на неоднозначность дихотомии публичное/частное в теории либерализма, К. Пейтман подняла важный вопрос о структуре публичной сферы, которой в феминистской традиции не уделялось до того много внимания. Дж.Э. Эльштайн указывала в связи с этим на то, что феминистская критика исследуемой дихотомии, развивающаяся с 70-х годов XX века, нередко приравнивала «публичное» в смысле рыночной экономики к «публичному» в политическом смысле. Она также утверждала, что за этим упрощением в некоторых феминистских теориях скрываются тенденции к призыву устранения любого разделения между публичным и частным [8].

Критическое рассмотрение публичной и частной сфер, будучи негативным по своей сути, действительно рано или поздно приводит к стремлению уничтожить границу между ними с тем, чтобы уничтожить основы структуры общества, мужское господство в котором пронизывает обе сферы. В этом контексте следует отметить утверждение В. Соланас о семье как об инструменте недопущения частной жизни. В этом утверждении имплицитно содержится утверждение частного как ценности. Инструментом разрушения подлинной частности при этом для В. Соланас выступает (мужская) частная сфера [13]. В целом феминистские аргументы нередко содержат в себе определённое видение публичности и частности, однако их концептуальной разработке при этом уделяется поразительно мало внимания.

Таким образом, каждый из рассмотренных подходов обладает собственной спецификой, сильными и слабыми сторонами. К сильным сторонам социально-философской традиции можно отнести глубокую разработку публичной сферы, резко контрастирующую, однако, с недостаточным вниманием, уделённым частной. Характерный для традиции андрогенцизм имеет своим следствием не только

весьма неопределённый статус семьи, но и неспособность увидеть общую структурную основу обеих сфер, исторически отрицающих субъектность женщин и конституирующих мужское господство.

Феминистский подход, напротив, уделяет недостаточно внимания разработке публичной сферы, а также её влияния на приватную, которая, подвергаясь всестороннему исследованию, полагается основным инструментом утверждения мужского господства. Кроме того, дальнейшая критика публичного и приватного как публичной и приватной сфер общества требует концептуальной разработки публичности и приватности, попытки которой можно найти на данный момент, прежде всего, в рамках социально-философской традиции.

Таким образом, объединение рассмотренных традиций в рамках единого теоретического поля предстаёт необходимым для полноценного исследования проблемы публичного и приватного.

Литература

1. Арент Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Библихина. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с. [Arendt H. Vita activa, ili O deyatel'noj zhizni. Translated from German and English V.V. Bibikhin. Saint Petersburg: Aletejya; 2000. 437 p. (In Russ.)]
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Пер. с нем. Б.Г. Столпнера, М.И. Левиной. – М.: Мысль, 1990. – 524 с. [Hegel G.W.F. Filosofija prava. Translated from German B.G. Stolpner, M.I. Levina. Moscow: Mysl'; 1990. 524 p. (In Russ.)]
3. Локк Д. Два трактата о правлении / Под ред. И.С. Нарского, А.Л. Субботина; пер. с англ. А.Н. Савиной]. Сочинения в трех томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 135–405. [Locke J. Dva traktata o pravlenii. Ed. by I.S. Narskij, A.L. Subbotin; translated from English A.N. Savina. Sochinenija v treh tomah. Vol. 3. Moscow: Mysl'; 1988. P. 135-405. (In Russ.)]
4. Оукин С.М. Гендер: публичное и приватное // Гендерная реконструкция политических систем / Под ред. Н.М. Степановой, Е.В. Кочкиной. – СПб.: Алетейя, 2004. – С. 920–945. (Серия «Тендерная коллекция»). [Okin SM. Gender, the public and the private. In: Gendernaja rekonstrukcija politicheskikh sistem. Ed. by N.M. Stepanova, E.V. Kochkina. Saint Petersburg: Aletejya; 2004. P. 920-945. (Seriya "Tendernaya kolleksiya") (In Russ.)]
5. Фрейзер Н. Что критического в критической теории? Хабермас и гендер // Феминистская критика и ревизия истории политической философии / Пер. с англ. О.В. Дворкиной; под ред. Н.А. Блохиной. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. – С. 347–379. [Fraser N. What's critical about critical theory? The case of habermas and gender. In: Gendernaja rekonstrukcija politicheskikh sistem. Translated from English O.V. Dvorkina; ed. by N.A. Blohina. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN); 2005. P. 347-379. (In Russ.)]
6. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества (с предисловием к переизданию 1990 года) / Пер. с нем. В.В. Иванова. – М.: Весь мир, 2016. – 344 с. [Habermas Ju. Strukturnoe izmenenie publichnoj sfery. Issledovanija odnositel'no kategorii burzhuaznogo obshhestva (s predisloviiem k pereizdaniyu 1990 goda). Translated from German V.V. Ivanov. Moscow: Ves' mir; 2016. 344 p. (In Russ.)]
7. Шкудунова Ю.В. Концептуальная основа «публичности» и «приватности» // Вестник Омского университета. – 2007. – № 4. – С. 65–68. [Shkudunova YV. Conceptual framework of "publicity" and "privacy". Vestnik Omskogo universiteta. 2007;(4):65-68. (In Russ.)]
8. Elshain JB. Public man, private woman: women in social and political thought. Princeton (NJ): Princeton University Press; 1993. 408 p.
9. Higgins TE. Reviving the Public. Private Distinction in Feminist Theorizing Symposium on Unfinished Feminist Business. *Chi.-Kent L. Rev.* 1999-2000;75(3):847-867.
10. Pateman C. The sexual contract. Stanford (CA): Stanford University Press; 1988. 264 p.
11. Pateman C. Feminist critiques of the public. Private Dichotomy. Ed. by S.I. Benn, G.F. Gaus. Public and private in social life. New York: St. Martin's Press; 1983. P. 281-306.
12. Rosaldo MZ. Woman, culture, and society: a theoretical overview. In: Woman, culture, and society. Ed. by M.Z. Rosaldo, L. Lamphere. Stanford (CA): Stanford University Press; 1974. P. 17-42.
13. World Heritage Encyclopedia. SCUM Manifesto. Solanas V. AK Press, Second-wave feminism, Anarcha-feminism, Reference desk/Archives/Humanities [cited 2015 July 19]. London: Verso Books; 2004. 96 p.
14. Weintraub J. The theory and politics of the public. Private distinction. In: Public and private in thought and practice. Perspectives on a Grand Dichotomy. Ed. by J. Weintraub, K. Kumar. Chicago: The University of Chicago Press; 1997. P. 1-42.

▪ Информация об авторе

Тайса Андреевна Кострицкая — очный магистрант кафедры теоретической и социальной философии, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского». E-mail: taiskostrickaya@gmail.com.

▪ Information about the author

Taisa A. Kostritskaia — Master Student at the Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov State University. E-mail: taiskostrickaya@gmail.com.